

Музычук Татьяна Леонидовна

доктор филологических наук, профессор, директор,
Евразийский лингвистический институт —
филиал Московского государственного
лингвистического университета,
664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 8,
e-mail: muzychuk@rambler.ru

Tatiana L. Muzychuk

Dr. in Philology, Professor, Director,
Euroasian Linguistic Institute of Moscow State Linguistic University,
8 Lenin St., Irkutsk, 664003, Russian Federation,
e-mail: muzychuk@rambler.ru

**ШКРАБЫ ИЗ МУДО:
АББРЕВИАТУРНЫЕ СЛОВА
В ИНФОРМАЦИОННОМ ТОПОНИМИЧЕСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ СИБИРСКОГО ГОРОДА**

Аннотация. Статья посвящена организации языкового пространства современного сибирского города. Предметом исследования являются аббревиатурные слова, являющиеся официальными наименованиями объектов городского пространства Иркутска. Автор рассматривает истоки появления и широкого распространения аббревиатур в русском языке и акцентирует внимание на губительных последствиях «имядателя», увлеченного так называемой «лингвокреативной деятельностью» при создании нестандартного варианта наименований культурных, торгово-промышленных, административно-хозяйственных учреждений и улиц города.

Исследуя аббревиатурные слова как часть современного топонимического пространства сибирского города, автор констатирует, что повседневная социо-культурная среда жизнедеятельности человека опасно сужается до аббревиатуры, междометия, цифры. Современное языковое пространство города, латинизированное и захваченное англоязычной лексикой, аббревиатурой и цифрой, требует срочной реструктуализации, моральной, филологической и юридической поддержки.

Ключевые слова. Аббревиатуры, аббревиатурные слова, топонимическое пространство, принцип языковой экономии, лингвокреативная деятельность, лингвоцинизмы.

Информация о статье. Дата поступления 3 октября 2016 г.; дата принятия к печати 25 октября 2016 г.; дата онлайн-размещения 31 октября 2016 г.

**ABBREVIATIONS IN TOPONYMIC INFORMATION SPACE
OF A SIBERIAN CITY**

Abstract. The article is devoted to language space of a modern Siberian town. The subject of the research is abbreviations, which are the official names of objects of Irkutsk urban space. The author studies the beginnings of abbreviations and their being widely-used in the Russian language. The author also emphasizes the fact that giving non-standard names to cultural, business and administrative institutions and streets may have devastating consequences.

Studying abbreviations as part of modern toponymic space of a Siberian town the author states that our everyday sociocultural environment shrinks to abbreviations, interjections, numbers. Modern language space of a town, which is Latinized and anglicized, full of abbreviations and numbers, requires immediate restructuring as well as moral, philological and legal support.

Keywords. Abbreviations, toponymic space, language compression, word creation, linguistic cynicism.

Article info. Received October 3, 2016; accepted October 25, 2016; available online October 31, 2016.

Слово «аббревиатура» (итал. *abbreviatura* — сокращение) пришло в русский язык XVIII в. и употреблялось в своем исходном значении до начала XX в. Так, в Энциклопедическом словаре, изданном в 1907 г. Флорентием Федоровичем Павленковым, русским книгоиздателем и просветителем, слово «аббревиатура» толкуется как «сокращение в письме и печати»: Е.И.В. — «Его Императорское Величество».

Надо отметить, что аббревиация, как способ словообразования, активно применялась в основных европейских языках, однако в русский язык, в письменный и устный, этот способ «ворвался» после Великой Октябрьской социалистической революции. До 1917 г. сокращение было явлением редким и с точки зрения чиновников российских учреждений вредным, мешающим пониманию излагаемого вопроса.

Однако революционное и послереволюционное время активно требовало обозначить явления и реалии советской власти по-новому, ярко, необычно, одним словом, — по-особенному, по-пролетарски. Народ строил новый мир, старый мир, «мир насилия», необходимо было «разрушить до основания», однако «раздуть мировой пожар на горе всем буржуйам» с «интеллигентно-буржуазным» языком было невозможно. Поэтому аббревиатура, «стимулятор подрыва традиционности в языке», была воспринята как

символ динамичности времени, «как подлинно народный и революционный способ словопроизводства» [1]. В русском языке в этот период появляется масса новых слов и понятий и большое количество аббревиатур: *завпед, завуч, ликбез, ликбезник, всевобуч, трудшкола, профшкола, спецшкола, школьком, живгазета, стенгазета, Наркомпрос, наркомпросовец, Наробраз, Пролеткульт, Рабкрин. Рабкор, ОНО, ФЗУ* и др.

Многие аббревиатуры той эпохи вышли из активного употребления и расшифровываются уже с трудом: *ВОСР* (Великая Октябрьская социалистическая революция), *ГПУ НКВД СССР* (Государственное политическое управление Народного комиссариата внутренних дел Союза Советских Социалистических республик), *ВОХР* (внутренняя охрана), *ВРШ* (вечерняя рабочая школа). Многие из нас вспомнят имена-аббревиатуры, которыми счастливые родители, искренне верящие в замечательное будущее и строящие его, называли детей: *Ким* (Коммунистический Интернационал Молодежи), *Даздраперма* (Да здравствует Первое мая!), *Цас* (Центральный аптечный склад), *Владлен* (Владимир Ленин), *Вилор(а)* (В. И. Ленин — организатор революции).

Справедливости ради, надо сказать, что сам вождь революции призывал не только строить коммунизм, но и бороться за чистоту речи его строителей. Размышляя на досуге

в далеком 1919 г., а досуг у нашего вождя мог быть только «при слушании речей на собраниях», Владимир Ильич призвал пролетариат объявить очередную войну: «Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности? Не пора ли объявить войну коверканию русского языка?». Более того, Ленин честно признался, что подобное «коверкание» его «озлобляет», а «некоторые ошибки пишущих в газетах совсем уже могут вывести из себя» [2].

Прошло почти 100 лет, а борьба за речевую культуру масс, чистоту их речи еще и не начиналась. Ленинский призыв, «говорить просто и ясно, доступным массе языком, отбросив решительно прочь тяжелую артиллерию мудреных терминов, иностранных слов, заученных, готовых, но непонятных еще массе, незнакомых ей позунгов, определений, заключений», так и не был услышан [3]. Иркутяне живут на улицах *МОПРа* и *Мехгорки*, покупают продукты в магазинах *ВДВ* и *ГОСТ*, ходят в аптеки *АВС* и *ЭкоХим*, в парикмахерской *777* делают стрижки, в швейном ателье *888* заказывают стильный фасон одежды, встречаются с друзьями в уютном баре *MS-29*, обедают в ресторане *House Mafia*, ужинают в ресторане *BarBossa*, названного в честь или уважаемого босса, или его любимой собаки Барбоса. По утрам иркутяне и гости города спешат на завтрак в бар *Killfish Discount Bar*, где, вероятно, их угостят японским деликатесом — рыбой-убийцей фугу, яд которой в 275 раз сильнее цианистого калия. А еще на станции *ПМС-45* все любят красотами природы.

Если бы сегодня на досуге Владимир Ильич почитал газеты, погулял по улицам нашего города, то он бы понял, что поздно объявлять войну «коверканию языка» — опоздали, война уже идет и объявили ее русскому на-

циональному языку, русским культурным ценностям. Речь исковеркана, захвачена другой культурой. Мы уже даже не обороняемся, мы спокойно отступаем, не задумываясь, что с гибелью национального языка исчезает народ, нация, государство. И если у нас нет желания защищать русскую речь, то откуда возьмутся силы ее освободить от засилья иностранных слов и «неслов»?

Иркутск перестал с нами общаться на русском языке, мы — иностранцы в своем городе, говорим на разных языках. Языковое пространство города уже сузилось для нас до междометия, аббревиатуры, цифры, отказывая иркутянам в праве на мысль: *ИПС — Сервис, ВВQ* (барбекю), *Сосогосо* (кафетерий), *ГОСТ* (продуктовый магазин), *KFC* (куриный фастфуд), *МО-31 тер.* (переулок), *БББ* (Бельгийский ресторан: Бельгия без Бельгии), *BGN* (женская одежда), *MS-29* (бар, Мамина — Сибиряка ул.), *«М»* (ночной клуб-бар «Манхэттен»), *АВС* (аптека), *GM Сервис, ВДВ* (продукты), *ПМС-45* (остановка и станция, Путевая машинная станция № 45), *100ловая, 7 days* (массажный салон), *777* (продуктовый магазин), *Aurum* (салон красоты), *oRRRo* (ювелирная кондитерская), *Vax* (парикмахерская), *«Ням-ням»* (кафе-позная, ресторан доставки), *«999»* (ломбард), *Aurum* (салон красоты), *Аурум* (ломбард), *Argentum (Ag)* (магазин серебряных украшений), *Ин-Пин* (кафе, с кит. добро пожаловать), *ODS* (одежда для счастья), *К.О.S* (магазин мужской одежды и аксессуаров) и т. п. Скоро, как в художественном фильме «Кин-дза-дза» режиссера Георгия Данелия, в языковом пространстве сибирского города останутся два слова: «Кю» — допустимое в обществе ругательство, и «ку» — все остальные слова. Вот уж воисти-

ну настоящий *Хаббл-Баббл*, т. е. в переводе с английского «булькающий, бессвязный разговор». Кстати, *Хаббл-Баббл* (кальенная).

Комедийный художественный фильм, снятый в жанре антиутопии и вышедший на экран тридцать лет назад (1986), становится реальностью. Для жанра антиутопии свойственен анализ возможного развития социальных явлений, как правило, негативных и в сторону их нарастания, что позволило создателям фильма представить картину предполагаемых необратимых последствий, приводящих к глубокому духовному кризису, уничтожению живой природы, человеческого в человеке.

Правда, зачем русскому человеку, тем более сибиряку, думать, если есть, где «*Ням-Ням*» (кафе-позная, ресторан доставки) и где «*Вах*» (какую стрижку можно сделать), а в *KFC* косточку куриную обглодать? А главное, как ласково, уважительно и вежливо нас встречают заморские гости: «*Ин-Пин*» — говорят, — «в наше кафе», т. е. «Добро пожаловать»; «*Hello*», «*Бонжур*» — радостно приветствуют другие, — «Здравствуйте, у нас лучшая *sauna-baikal*», «лучшая столовая», «*Danke*» — с поклоном «спасибо», *Bitte* — с улыбкой «пожалуйста». Вот и наступила для сибиряка долгожданная *Dolce Vita*, т. е. «сладкая жизнь» в студии итальянской мебели и *FELICITA*, т. е. счастье и блаженство в салоне свадебных платьев где-нибудь на ул. *Нефтебазы*, *МО-ПРа*, *Водостроя* или *МО-31* тер.

Одним словом, повседневная социо-культурная среда жизнедеятельности человека, латинизированная и захваченная англоязычной лексикой, опасно сужает наше сознание до аббревиатуры, междометия, цифры и требует срочной реструктуализации, моральной, филологической и юридической поддержки. Если «сознание

формируется в результате познания (отражения) субъектом окружающей действительности, а содержание сознания представляет собой знания о мире, полученные в результате познавательной деятельности (когниции) субъекта» [4], то современная социо-культурная среда, превратившаяся и продолжающая превращать слова как единицы смысла в «неслова», несет угрозу разрушения национальному самосознанию и общественному согласию в частности.

Последствия, действительно, могут быть трагичными: разрушение идентичности русского народа и мироощущения сибиряка как части русского мира. Сибирь превратится в «чатланскую» землю «Плюк», а жители — в пацаков, которые обязаны носить в носу специальный колокольчик «цак» и при встрече с чатланином, новым хозяином сибирской земли, приседать перед ним особым образом.

Современное топонимическое пространство сибирского города уже не раз являлось предметом нашего исследования, мы неоднократно обращали внимание ученых-лингвистов, представителей власти на проблему жесткой инокультурной экспансии русского языка, анализировали соотношение иностранной лексики и русской в официальных и неофициальных наименованиях городских заведений. Наблюдения показали, что «англизированная лексика на городских вывесках практически полностью завладела нашим вниманием, отсекала нас от окружающего русского мира, погрузила в другой, чужой мир, но создаваемый покорно, к великому сожалению, нами же» [5]. Создания в большом количестве нестандартных вариантов наименований объектов городского пространства, направленных «на уничтожение, ди-семантизацию безэквивалентной русской лексики», крайне

опасно для самоидентификации русской языковой личности [6].

Введение аббревиатуры в активный лексический словарь языковой личности всегда определялся целями практической экономии, которую лингвисты определяют как принцип экономии языковых усилий. Однако аббревиатуры, способные экономить время говорящего, читающего и пишущего в речи и в письме, допустимы, если они понятны, общедоступны, частотны, корректны и благозвучны. Так, с подачи Ленина, была запрещена аббревиатура *Шкраб* (школьный работник), возникшая в первые годы революции. По воспоминаниям Луначарского, Ленину зачитали телеграмму, которая оканчивалась словами «*Шкрабы голодают*». Услышав новое обозначение для школьных работников, Ленин «с величайшим неудовольствием» сказал: «Я думал, это какие-нибудь крабы в каком-нибудь аквариуме. Что за безобразие назвать таким отвратительным словом учителя! У него есть почетное название — народный учитель, оно и должно быть за ним сохранено». Аббревиатура исчезла из обращения, и была зафиксирована только в Большом академическом словаре с пометкой *устар.*

Новая аббревиатура *шкраб* в представлении ее создателей должна была характеризовать школьного работника нового типа, который и учит, и воспитывает по-новому. Однако неблагозвучность, звуковая дисгармония, вызывающая неприятные ассоциации, стала решающим аргументом, отправив аббревиатуру в разряд устаревших. Думается, что эта аббревиатура имеет право жить в современном русском языке, и, возможно, она еще вернется в активный словарь носителя русского языка с пометкой ирон. т. е. ироничное:

Шкрабы заперлись в шкрабилровке (Л. Пантелеев и Г. Белых

«Республика ШКИД; 1926–1927»); Перевод: *Учителя заперлись в учительской*.

«Это такая система, при которой шкрабы ничего не делают, а ученику самому приходится все узнавать. Я так, по крайней мере, понял. Уроков, как теперь, не будет, а ученикам будут даваться задания. Эти задания будут даваться на месяц, их можно готовить и в школе и дома, а как приготовил — иди отвечать в лабораторию. Лаборатории будут вместо классов. В каждой лаборатории будет сидеть шкраб, как определенный спец по своему делу...» (Н. Огнев «Дневник Кости Рябцева»; 1926–1927). Это главный герой повести рассказывает о новой методике *Карпантер* (вымышленная методика, как и российский педагог Карп Анатольевич Терентьев, ученик Ушинского, именем которого она названа). Древняя мудрость гласит, как корабль назовешь, так он и поплывет. *У шкраба и методика шкрабья — Карпантер*.

Потрясает то, что забытая аббревиатура *шкраб*, вернулась в современный русский язык через сто лет в образе *педобраза* (педагога дополнительного образования и педагога дошкольного образования). Думается, будет уместно, перефразировав, повторить ленинские слова: «Я думал, это какие-нибудь дикобразы в каком-нибудь зоопарке. Что за безобразие назвать таким отвратительным словом учителя! У него есть почетное название — народный учитель, оно и должно быть за ним сохранено».

А *педобраз* торжественно шествует по языку и речи. И так же, как *шкраб*, трудится в весьма приличных учреждениях, составляя планы уроков и создавая важные инструкции и методики: МУДО (муниципальное учреждение дополнительного образования и муниципальное учреждение до-

школьного образования), Минобраз (Министерство образования). Звучит почти гордо: *педобраз из МУДО, педобразы из Минобраз*. МУДО успело прославиться: стало героем художественного произведения. Писатель Алексей Иванов опубликовал новый роман «Блуда из МУДО» (2007), обозначив его жанр как плутовской порнографический роман. Главный герой — недоучившийся художник Борис Моржов, методист муниципального учреждения дошкольного образования (МУДО). Однако относиться с пиететом к *педобразу из МУДО* или *шкрабу из шкрабиловки* все равно как-то не получается?!

Вероятно, живому языку необходимо обозначить определенный тип педагога, преподавателя, учителя, который сегодня дискредитирует высокое звание учителя, мотивированного не на созидание, а на разрушение и языка, и душ, и судеб человеческих.

Народному учителю, педагогу, преподавателю, ученому, писателю, публицисту, журналисту — всем, кто работает со словом, обращенным к слушателю, читателю, студенту, массовому зрителю, нужно помнить слова С. И. Карцевского, русского лингвиста, профессора: «Живой язык, тем более народный язык, сам создавать сокращений не будет. Но он может принять навязанные ему, заранее сфабрикованные подобные слова, как принимает он заимствования, которые ведь тоже абсолютно не мотивированы» [7].

В СМИ стало обычным делом использовать аббревиатуры: *ВОВ* (Великая Отечественная война) и *РПЦ* (Русская православная церковь): «В Иркутской области осудили сибиряков, ограбивших ветерана *ВОВ*» (Дмитрий Бабошкин, 24.08.2016, Источник: NewsBabr.com); «Иркутская общественность отбила у *РПЦ*

коррекционную школу» (Артур Скальский, 17.07.2010, Источник: NewsBabr.com); Вандалы испортили памятник героям *ВОВ* в Братске (04.10.2016, Источник: БайкалИнфо). *Воевать* — так с божьей помощью: В Центральном военном округе (ЦВО) разработали специальную полевую форму для военных священников. В эту форму служители *РПЦ* будут переодеваться во время выездов (Фрося Бурлакова, 24.10.2016, Источник: NewsBabr.com);

Лингвисты, историки, церковные деятели выражают тревогу в связи с неправомерным сокращением названий исторических событий: «Аббревиатуры — получивший широкое распространение способ сокращенной передачи состоящих из нескольких слов названий государств, организаций, учреждений и тому подобное. Но не исторических эпох и событий! Историки не пишут о «деятелях *ВФР*» (Великой французской революции), «героях *КБ*» (Куликовской битвы), «победителях рыцарей-крестоносцев в *ЛП*» (Ледовое побоище)... Но Великой Отечественной войне «повезло»: в связи со льготами ее участникам она попала в сферу действия бюрократов. С болью сказал об этом Юрий Черниченко: «Участник *ВОВ*, как теперь пишут в канцеляриях...» [8].

Н. А. Еськова обращается к обществу с вопросами: Как изгнать со страниц печатных изданий варварскую аббревиатуру *ВОВ*? Почему эту дикую аббревиатуру используют журналисты? Может, за помощью стоит обратиться к Президенту?

В Литературной газете от 5 июня 1991 г. Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II так прокомментировал появившуюся аббревиатуру *РПЦ* (Русская Православная Церковь): «Ни дух русского человека, ни правила церковного благочестия не позволяют производить такую подмену.

Такая фамильярность в отношении к Церкви оборачивается серьезной духовной утратой. Наименование РПЦ превращается в пустой значок, не затрагивающий духовных струн человека».

В истории любого государства есть памятные даты и события, святые и священные имена и темы, которых аббревиатура не должна «посещать» никогда: ХХС (Храм Христа Спасителя). Подобные номинации в лингвистической терминологии А. П. Сквородников назвал лингвоцинизмами: «лингвоцинизмы — это слова, обороты речи и целые высказывания, в которых нашел отражение цинизм индивидуального или социального мышления (мировоззрения) [9]. Позднее термин был уточнен: «лингвоцинизмы — это слова, обороты речи и целые высказывания (предложения и микротексты), в которых содержится циничное, то есть противоречащее нормам нравственности и благопристойности нигилистическое унижающе-глумливое отношение к тому, что представляет признанную ценность (общечеловеческую, национальную, корпоративную, личностную) [10].

В ряде случаев, лингвоцинизмы носят преднамеренный характер,

однако частотность их употребления в СМИ превращает их в канцеляризм, и они начинают восприниматься обществом как возможные и приемлемые языковые единицы.

Аббревиация — один из самых молодых способов русского словосложения, способ сложения сокращенных элементов слов, объединенных в одно сочетание. Конец XIX — начало XX в. — время становления аббревиации. XX в. — век аббревиации. Характеризуя современное состояние языка, наблюдая стремительные изменения в различных сферах общественной жизни, можно предположить, что нас ожидает бум заимствований и бум аббревиации [11]. Однако к процессу создания аббревиатур и возможности их употребления в речи и в письме относиться нужно предельно осторожно. Ценность аббревиатуры не в том, чтобы заменять сочетания слов, а в том, чтобы самой стать полноценным словом. Не навязывайте «заранее сфабрикованные слова» и не повторяйте их всуе, не сокращайте названия исторических событий, не уничтожайте нить, связующую память поколений и времен, думайте, «как слово наше отзовется».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Никишина С. А. Аббревиатуры: генезис, словообразовательный статус, морфемная структура, тематические группы, употребление и прогнозы / С. А. Никишина // Вестник Нижегородского государственного гуманитарного университета. — 2011. — № 4. — С. 37–47.
2. Ленин В. И. Об очистке русского языка (Размышления на досуге, т.е. при слушании речей на собраниях) // Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. — 5 изд. — М.: Полит. литю, 1974. — Т. 40. — С. 49.
3. Ленин В. И. Социал-демократия и избирательные соглашения // Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. — 5 изд. — М.: Полит. лит., 1972. — Т. 14. — С. 92.
4. Стернин И. А. Коммуникативное и когнитивное сознание / И. А. Стернин // С любовью к языку: сб. науч. тр.: посвящ. Елене Самойловне Кубряковой / отв. ред. В. А. Виноградов. — М.; Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. — С. 44–51.
5. Музычук Т. Л. Информационное топонимическое пространство сибирского города: манипуляция сознанием / Т. Л. Музычук // Вопросы теории и практики журналистики. — 2016. — Т. 5, № 1. — С. 143–153. — DOI: 10.17150/2308-6203.2016.5(1).143-153.
6. Музычук Т. Л. Языковое пространство современного сибирского города: инокультурный захват / Т. Л. Музычук // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты: сб. материалов XX Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред.

С. С. Чернова. — Новосибирск : Изд-во Центра развития науч. сотрудничества, 2015. — Вып. 20. — С. 131–136.

7. Карцевский С. И. Из лингвистического наследия / С. И. Карцевский ; сост. И. И. Фужерон. — М. : Яз. рус. культуры, 2000. — 344 с.

8. Еськова Н. А. Варварская аббревиатура / Н. А. Еськова // Наука и жизнь. — 2000. — № 5. — С. 38.

9. Сквородников А. П. Лингвоцинизмы / А. П. Сквородников // Культура русской речи : энцикл. слов.-справ. / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сквородников, Е. Н. Ширяева [и др.]. — М. : Наука, 2007. — С. 302.

10. Сквородников А. П. К определению термина «лингвоцинизмы» / А. П. Сквородников // Мир русского слова. — 2014. — № 3. — С. 49–54.

11. Возбранная Т. В. К вопросу о современных тенденциях в области словообразования / Т. В. Возбранная // *Lingua Mobilis*. — 2013. — № 3 (42). — С. 28–32.

REFERENCES

1. Nikishina S. A. Abbreviations: genesis, word-building status, morphemic structure, thematic groups, usage and forecasts. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta = Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, 2011, no. 4, pp. 37–47. (In Russian).

2. Lenin V. I. On Refining the Russian Language (Thinking in Leisure Time, i.e. while Listening to Speeches in Meetings). In V. I. Lenin. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. 5th ed. Moscow, Politicheskaya Literatura Publ., 1974, vol. 40, p. 49. (In Russian).

3. Lenin V. I. Social Democracy and Election Agreements. In V. I. Lenin. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. 5th ed. Moscow, Politicheskaya Literatura Publ., 1972, vol. 14, p. 92. (In Russian).

4. Sternin I. A. Communicative and Cognitive Approaches to Consciousness. In Vinogradov V. A. (ed.) et al. *S lyubov'yu k yazyku* [With Love for Language]. Moscow, Voronezh State University Publ., 2002, pp. 44–51. (In Russian).

5. Muzychuk T. L. Informational toponymic space of the Siberian city: manipulation of consciousness. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2016, vol. 5, no. 1, pp. 143–153. DOI: 10.17150/2308-6203.2016.5(1).143-153. (In Russian).

6. Muzychuk T. L. Language Space of a Modern Siberian Town: Foreign Languages Invasion. In Chernov S. S. (ed.). *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya: problemy i rezul'taty. Materialy XX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Fundamental and Applied Studies: Issues and Research Results. Materials of the 20th International Research Conference]. Novosibirsk, Centre for Developing Scientific Collaboration Publ., 2015, pp. 131–136. (In Russian).

7. Kartsevskii S. I.; Fuzheron I. I. (ed.). *Iz lingvisticheskogo naslediya* [Studying Linguistic Heritage]. Moscow, Languages Representing Russian Culture Publ., 2000. 344 p.

8. Es'kova N. A. Barbarian Abbreviations. *Nauka i zhizn' = Science and Life*, 2000, no. 5, pp. 38. (In Russian).

9. Skovorodnikov A. P. Linguistic Cynicism. In Ivanov L. Yu., Skovorodnikov A. P., Shiryayev E. N. et al. (eds). *Kul'tura russkoi rechi* [Culture of Russian Speech]. Moscow, Nauka Publ., 2007, p. 302. (In Russian).

10. Skovorodnikov A. P. Definition of the Term «Linguocynism». *Mir russkogo slova = The World of Russian Word*, 2014, no. 3, pp. 49–54. (In Russian).

11. Vozbrannaya T. V. On Modern Tendencies in Word-Formation. *Lingua Mobilis*, 2013, no. 3 (42), pp. 28–32. (In Russian)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Музычук Т. Л. ШКРАБЫ из МУДО: аббревиатурные слова в информационном топонимическом пространстве сибирского города / Т. Л. Музычук // Вопросы теории и практики журналистики. — 2016. — Т. 5, № 4. — С. 665–672. — DOI: 10.17150/2308-6203.2016.5(4).665-672.

REFERENCE TO ARTICLE

Muzichuk T. L. Abbreviations in toponymic information space of a Siberian city. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2016, vol. 5, no. 4, pp. 665–672. DOI: 10.17150/2308-6203.2016.5(4).665-672. (In Russian).